

## ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

*В.А. Савченко*

ГБОУ ВО Московской области «Государственный университет „Дубна“»

Для цитирования: Савченко В.А. Предпосылки формирования революционного потенциала // Аспирантский вестник Поволжья. – 2018. – № 7–8. – С. 44–55. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.4.44-55

Поступила в редакцию: 02.10.2018

Принята к печати: 04.11.2018

▪ Механизмы возникновения и развития революционного процесса — одна из самых обсуждаемых тем в научном и журналистском сообществе. Исследователи рассматривают объективные и субъективные стороны этого явления, анализируют ситуацию в стране до революционных событий, в ходе и по окончании их. Обсуждаются основные векторы действий правительства и оппозиционных сил в борьбе за власть, факторы, приближающие революцию и отдаляющие её. За последние 20 лет на земном шаре произошло не менее 20 революций, итогом которых стала смена действующих правительств, в некоторых случаях сопровождающаяся гражданской войной. В статье рассмотрены основные механизмы и предпосылки социальных взрывов, способных вызвать быстрые коренные перемены в государстве.

▪ **Ключевые слова:** протест; революция; насилие; радикальные социальные движения; социальный взрыв; борьба; гегемония; правительство; смена государственного строя; депривация; аномия.

## PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF A REVOLUTIONARY POTENTIAL

*V.A. Savchenko*

State University “Dubna”

For citation: Savchenko VA. Prerequisites for the formation of a revolutionary potential. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2018;(7-8):44-55. doi: 10.17816/2072-2354.2018.18.4.44-55

Received: 02.10.2018

Accepted: 04.11.2018

▪ Mechanisms of emergence and development of the revolutionary process is one of the most discussed topics in the scientific and journalistic community. The researchers consider the objective and subjective aspects of this phenomenon, analyze the situation in the country before the revolutionary events, during and after them. The main vectors of actions of the government and opposition forces in the struggle for power, factors approaching the revolution and distancing it are discussed. Despite progress in understanding the emergence and course of revolutionary events, social changes of this kind are increasingly occurring. Over the past 20 years, there have been at least 20 revolutions around the globe, resulting in the change of existing governments, in some cases accompanied by civil wars. Revolutions as a social phenomenon are still not adequately predicted. The article deals with the basic mechanisms and prerequisites of social explosions that can cause rapid radical changes in the state.

▪ **Keywords:** protest; revolution; violence; radical social movements; social explosion; struggle; hegemony; government; change of state; deprivation; anomie.

Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами её пользуются проходимцы.

*Отто фон Бисмарк*

История термина «революция» насчитывает немногим более четырёх столетий, но причины массовых беспорядков и политических переворотов волнуют умы с давних

времен. Предметом особенно интенсивного теоретического осмысления они стали в первой половине XIX в.: после кровавых событий в Англии, Голландии, Франции и Северной

Америке [19, с. 81]. Как социальный феномен революция известна со времён Реформации в Германии, примерно 500 лет назад. Именно с этого момента можно начать отсчёт современных революций сначала в Европе, а после — во всём мире.

Известно множество различных определений, но все они, помимо смены правительства, в той или иной мере включают пять компонентов: соотнесение настоящего с будущим; доминирование коллективного начала и идеи социальной справедливости; построение нового общества на основе новой базовой культурной модели; подчёркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка; универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы, но в то же время воспроизводящая социальный порядок в определённых границах. По мнению Ш. Эйзенштадта [28, с. 87], таков «чистый образ революции». С. Хантингтон [24, с. 121] охарактеризовал революцию как насильственное и фундаментальное изменение внутреннего положения страны, ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры и руководства с мобилизацией новых групп в политику и созданием новых политических институтов.

При решении вопроса об определении «революции» полезно обратиться к работе основателя теории конкурентной политики Ч. Тилли [22, с. 314]. Он решает проблему путём теоретического разделения понятий «революционная ситуация» и «результаты революции». Революционная ситуация начинается тогда, когда государство, ранее подконтрольное одному центру, одной политической системе, становится объектом эффективных, конкурентных и взаимоисключающих требований контроля со стороны двух и более самостоятельных политических систем. Революционная ситуация завершается с восстановлением монопольного контроля над государством одной политической силы. Результатом революции становится смена правящих элит (членов политической системы) [33, с. 114]. Для любой политической революции характерен набор из трёх слагаемых: многовластие, борьба за власть, господство одного победителя в результате борьбы. По восстановлении полного контроля над страной после революции команда победителей «поляризуется», и самые активные участники её нередко лишаются жизни. Известная фраза «Революция пожирает своих детей» приписывается разным деятелям Великой французской революции. В оригинале она звучит

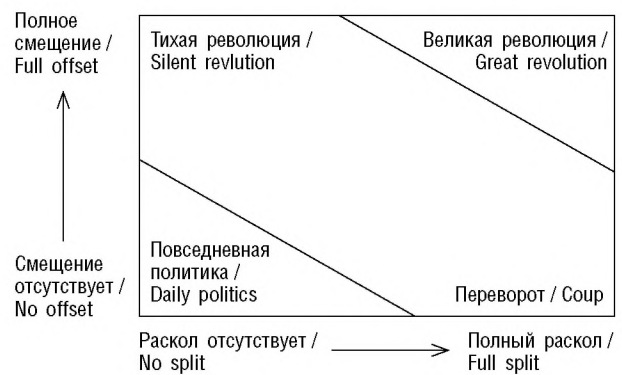


Рис. 1. Матрица «глубины» результатов революции [33, с. 7–11]

Fig. 1. The matrix of the «depth» of the revolution results [33, p. 7–11]

так: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей» (фр. A l'exemple de Saturne, la révolution dévore ses enfants).

Тилли предложил оригинальное графическое представление революции (рис. 1). На основе его рисунка возможно оценивать революции количественно и качественно. Крайний вариант развития революционной ситуации — Великая революция, при которой происходит полномасштабная смена членов существующей политической системы, зачастую их физическое уничтожение, и непреодолимый идеологический раскол в обществе с вооружённой борьбой между соперниками. Классическими примерами служат Французская революция 1789 г. и Октябрьская революция 1917 г. в России. Идеологическая несовместимость старого и нового строя служит предпосылкой коренных преобразований в обществе, упразднения старых и создания новых институтов. Общество раскалывается на приверженцев старого и нового уклада, непримиримо враждующих между собой.

Революции могут происходить и в благополучных обществах, и в обществах с такими острыми проблемами, как бедность, коррупция, злоупотребления правящей верхушки и т. п. Для победы революции необходим целый ряд условий: новая идеология, информационные технологии, высокий процент образованного населения и определённый уровень урбанизации. Она становится ключевым моментом в истории любого государства и во многом определяет характер будущих эволюционных изменений. Революции не происходят одновременно, иногда борьба занимает годы. Дату зачастую «назначают» постфактум и превращают её в национальный праздник.

К середине XIX в. обозначились две конкурирующие концепции, объясняющие причи-

ны возникновения революций. Все участники дискуссии признают наличие серьёзного недовольства накануне у значительной доли населения. Но в чём причина этого недовольства? По мнению К. Маркса [11, с. 85], недовольство главным образом возникает из-за абсолютно и относительно обнищания населения, более не желающего терпеть угнетённое положение. Согласно теории исторического материализма фундаментальная причина социальных революций заключается в углубляющемся противоречии между развивающимися производительными силами и консервативными производственными отношениями: «Пролетариев всех стран я призываю к революции, потому что им нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [11, с. 214–228]. Основной тезис классиков марксизма в том, что прогрессирующая пролетаризация общества наконец достигнет критической точки, сделав восстание неотвратимым [12, с. 18]. Предварительное условие беспорядков не в деградации пролетариев, а в их экономическом положении: рабочие не желают пассивно наблюдать растущее благосостояние эксплуататоров, вследствие чего возникает социальная напряжённость [11, с. 241]. По мнению большинства социалистов, именно экономический фактор становится определяющим при возникновении недовольства больших масс населения и формировании установки на свержение правительства.

Несколько ранее иную и во многом противоположную версию причин и механизмов революционного взрыва предложил А. де Токвиль: «Таким образом, французы нашли их положение более неподъёмным, когда имели тенденции к улучшению. Революции не всегда вызваны постепенным снижением уровня от плохого к худшему. Страны, которые перенесли терпеливо и почти сознательно самое сильное подавление, восставали против ига в тот момент, когда начинал расти уровень благосостояния и свобод. Режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [23, с. 108]. Токвиль обратил внимание на то, что перед Великой Французской революцией уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе, а Северная Америка накануне первой в истории антиколониальной революции была самой богатой и процветающей колонией мира. Опираясь на такие примеры, он пришёл к парадоксальному заключению: не бедность и беспросветное существование (как это кажется логичным и как любят представлять лояльные революции идеологи), а, напротив, экономическое

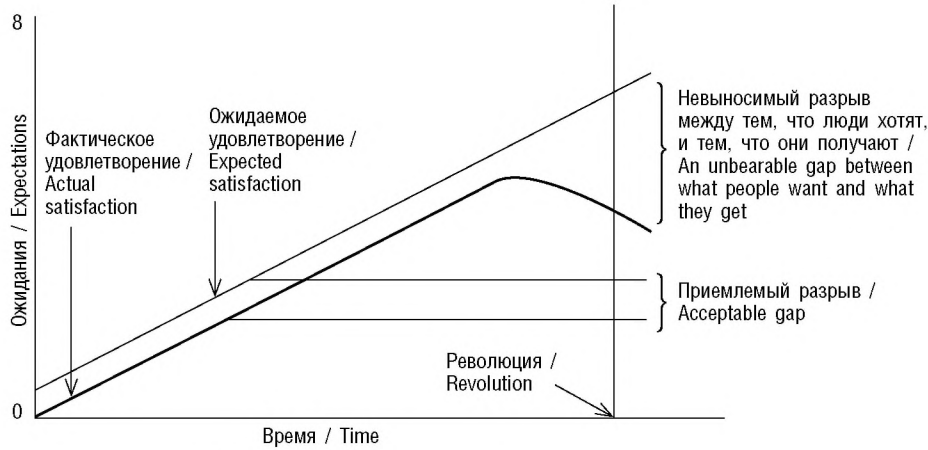
процветание, провоцирующее растущие потребности, становится непосредственной причиной революций.

В 1960-х гг. американский учёный Дж. Дейвис [5, с. 5-12] сопоставил модели Токвиля и Маркса с известными данными о революциях XX в., включая три русские революции, и пришёл к выводу, что оба его великих предшественника были по-своему правы. Чтобы разобраться в этом противоречии, полезно выделить экономические, демографические, антропологические и культурные предпосылки. Расположение их в иерархии по убыванию или возрастанию значимости — тема отдельного исследования. Детально рассмотрим их.

### Экономические предпосылки

Дейвис внёс весомый вклад в понимание возникновения серьёзного протестного потенциала, он описал и показал графически момент возникновения такого коллективного недовольства большой доли населения страны (аномии), дал пояснение условий возникновения и возможные варианты развития событий. Анализу подверглись американская революция 1775 г., французская революция 1789 г., русская революция 1917 г., египетская революция 1952 г. и ряд революций меньшего масштаба. Было исследовано большое число протестных выступлений в разное время, в разных странах, при разных режимах правления, но имеющих главной предпосылкой продолжительный период экономического роста и устойчивое повышение уровня благосостояния граждан. В результате постоянный рост благосостояния становится «трендом», от которого очень трудно отказаться (рис. 2). В случае когда правительство становится неспособным неуклонно удовлетворять растущие потребности и ожидания, демонстрирует свою беспомощность в вопросе обеспечить дальнейшее процветание, у значительной части населения усиливаются настроения недовольства и состояния фрустрации. Все рассматриваемые Дж. Дейвисом революции произошли при экономическом спаде после продолжительного периода экономического подъёма, который в обязательном порядке отражался на уровне благосостояния населения.

Последующие эмпирические исследования (с использованием анкет и фокусированных групповых интервью) обнаружили также парадоксальный психологический эффект, названный ретроспективной абберацией. Поскольку массовое сознание воспринимает динамику экономических и прочих тенденций через призму растущих потребностей и ожи-



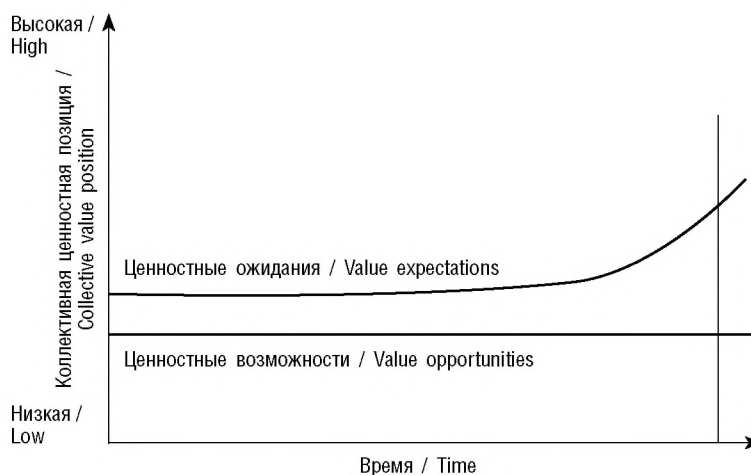
**Рис. 2.** Возникновение революций при объективном отрыве фактического удовлетворения от ожидаемого, по мнению Дж. Дейвиса [5, с. 12]

**Fig. 2.** The emergence of revolutions with an objective separation of actual satisfaction from the expected one, according to J. Davis [5, p. 12]

даний, объективно благоприятные процессы часто сопровождаются усиливающейся неудовлетворённостью [16, с. 152]. Этот эффект отчасти объясняет возникновение революций в странах, где уровень жизни народа достаточно высок, а показатели угнетения и нищеты сравнительно слабо выражены. Впрочем, практика свидетельствует, что крайняя бедность (с точки зрения внешнего наблюдателя) не провоцирует массового протеста, скорее люди принимают ситуацию с тихой безысходностью, весьма смиренно.

Важный вклад в понимание того, как формируется протестный потенциал отдельного индивида, внёс Р. Мертон. Революция рассматривалась им как ситуация, когда значительная часть населения страны переживает

особое чувство разрыва между целями и способами их достижения, когда поставленные цели либо недостижимы законными средствами, либо вероятность их достижения очень мала. В статье «Социальная структура и аномия» Мертон писал: «Требования общества, предъявляемые к лицу в подобном случае, несовместимы между собой» [11, с. 308]. Схожая ситуация возникает и в наши дни, когда телевизионная реклама рекомендует сменить автомобиль на более новую модель, а возможности такой нет и не предвидится в ближайшей перспективе. Таким образом, культурная среда служит мощным фактором формирования протестного потенциала («эффект зеркала»). Данная ситуация более характерна для «общества потребления» наших дней. Опираясь на



**Рис. 3.** Возникновение протестного потенциала, который может перерасти в революцию при возрастающих ожиданиях и стабильных возможностях, по Гарри (наиболее характерно для общества потребления) [1, с. 89]

**Fig. 3.** The emergence of protest potential, which can develop into a revolution with rising expectations and stable opportunities, according to Garr (most characteristic of the consumer society) [1, p. 89]

теорию аномии Э. Дюркгейма, Мертон отчасти объясняет коллективные действия больших групп при невозможности законными средствами удовлетворить все потребности, которые во многом сформированы культурной средой. В обществе, где материальный успех служит мерилom человека, у отдельного индивида очень легко вызвать чувство аномии примером более успешных в этом плане людей. Оппозиционные СМИ (а сегодня без их активного участия не обходится ни одна революция) первым делом создают «эталон» того, что могло быть при более высокой степени участия правящего класса в жизни простых людей.

Действующему правительству стоит обратить также внимание на культурную среду, которая и при достаточном уровне благосостояния способна создавать чувство аномии [1, с. 89]. Эту ситуацию Т. Гарр описал, используя термин «депривация» вместо аномии. Момент зарождения серьёзного недовольства и начало протестных движений на оси времени также можно представить графически (рис. 3). В относительно спокойное и благополучное время СМИ могут вызвать чувство аномии и депривации даже у очень успешных людей, рекламируя недостижимые для них вещи как символ успеха. Уровень благосостояния стабилен, тогда как ожидания (субъективная оценка того, что нужно иметь на данный момент) возрастают. У части индивидов под воздействием потребительской культуры формируется устойчивое стремление постоянно повышать уровень потребления товаров и услуг, но экономическое положение в стране этого не позволяет. Таким образом, революция во многом становится продуктом растущих ожиданий удовлетворения экономических запросов, а идеология общества потребления в значительной степени способствует росту этих ожиданий.

### Демографическая предпосылка

Для более полного понимания следует анализировать возникновение и развитие факторов, способствующих революции, в совокупности с динамикой роста населения. Важный момент в теории Дж. Голдстоуна [30, с. 17] — так называемый молодёжный бугор — высокий процент незанятой молодёжи на момент начала революции вследствие высокой рождаемости и низкой детской смертности за предыдущие 20–30 лет. Высока доля «пехоты» революции!

Голдстоун рассматривает демографические сдвиги как одну из главных структурных при-

чин революций. Кумулятивный эффект роста населения оказывает негативное влияние на общественные институты как на фундамент общества. Из-за демографических сдвигов нагрузка на экономику растёт. Именно молодые люди около студенческих лет, которые не видят себе достойного применения в сложившихся условиях, принимают самое активное участие в противостоянии с органами правопорядка. Особенность данной демографической группы в том, что она сравнительно легко поддаётся «уравнительным» идеологиям, призывам к неповиновению и радикальным действиям. Молодёжь всегда становилась самой активной частью населения в деле изгнания несправившегося с вызовами своего времени правителя. Пропаганда и агитация выйти на баррикады формируется специально под уровень сознания 18–25-летних. Именно для них складывается образ революционера как борца с несправедливостью и угнетением за лучшую жизнь. Так, в последние десятилетия очень часто для привлечения в лагерь протестующих молодых людей используется символика с изображением Эрнесто Че Гевары.

Силы правопорядка часто тоже подвергаются революционной пропаганде, некоторые из силовиков даже испытывают нечто вроде симпатий к протестующим. Процент сочувствующих определяет степень монолитности фронта борьбы с протестом и момент перелома в самой активной фазе противостояния. Ещё одной демографической предпосылкой протестного потенциала, и это особо стоит подчеркнуть, становится недовольство элитарных групп. Одним из важнейших показателей «здоровья» общества является уровень имущественной дифференциации, а при активном росте населения правительство непременно прилагает усилия для более равномерного распределения ресурсов, в некоторой степени ограничивая элиты и претендующих получить статус представителя элитарной группы. Количество элитарных отпрысков также растёт, наследство уже не может обеспечить достойное существование на протяжении длительного периода. Среди элит начинается борьба за власть как источник дальнейшего обогащения.

Исследователь революций Э.Э. Шульц [27, с. 104] доказывает жёсткую взаимосвязь протестного потенциала с приростом населения страны и всевозможных благ для населения. Прирост населения в последнее время значительно опережает ожидаемый прирост благ, и с течением времени разрыв только увеличивается. При определённом уровне разрыва возникает протестный потенциал.

Революции совершают молодые люди, ожидания которых не оправдались по ряду причин. Свойственные молодёжи ожидания увеличения благосостояния играют негативную роль для государства в условиях экономических трудностей.

На протяжении всей истории человечества именно молодёжь оказывалась той ключевой силой, которая предопределяла исход противостояния. Так Египетская революция 2011 г. произошла, по мнению ряда исследователей, из-за высокой доли безработной молодёжи с высшим образованием, ожидания которой на лучшую жизнь «с дипломом» не оправдались [9, с. 16]. За всё время правления Х. Мубарака динамика роста экономики составляла как минимум 4 % в год, существовало немало программ социальной поддержки населения, включая субсидии на продовольствие, медицину и образование. На момент начала революции Египет находился на передовых позициях по ключевым показателям в своём регионе. Детальное рассмотрение предреволюционной ситуации выявило наличие «эффекта бумеранга» от своих собственных успехов. Примерно за 20–25 лет до этих событий были предприняты успешные меры по снижению детской смертности и увеличению рождаемости. За 20 с лишним лет население страны увеличилось вдвое, из них доля молодёжи в 2011 г. составляла около 12 % — очень высокий показатель. Ситуацию усугубил факт наличия высшего образования у 43 % безработной молодёжи. Правительство Египта не оценило угрозу от сочетания двух накладывающихся друг на друга «бугров» — процента молодёжи и количества дипломов у этой безработной молодёжи, совпавших в один непродолжительный период времени.

Растущие ожидания на увеличение благосостояния в обществе, где наблюдается увеличение индивидов, претендующих на изменение своего статусного положения, наталкиваются на ряд противоречий, способных увеличить вероятность революции.

### Антропологические предпосылки

Касаясь психологического фактора возникновения революций, элитолог Г. Моска проводит параллели с животным миром. В природе часто встречаются ситуации деления прежде однородного стада животных на два лагеря и возникновение довольно серьёзной вражды впоследствии [15, с. 99]. Дальнейшие исследования на стадных животных подтвердили гипотезу о стремлении к поляризации. Вместе с тем зоопсихологами показано на-

личие особых зон в головном мозге, отвечающих за агрессию в отношении представителей своего вида [10, с. 214]. И чем выше уровень развития, тем эффективнее инструментарий привлечения сторонников в свой лагерь для борьбы с лагерем враждебным.

При этом существует особая эмоциональная связь между членами одной группы, преданность и самоотверженность в борьбе. Антропологи в архаичной культуре охотников-собирателей довольно часто наблюдают эффект переориентации агрессии молодёжи на соседнее племя. Пока молодёжь занята межплеменными конфликтами, сохраняется относительная стабильность внутри племени [18, с. 481]. Многочисленные исследования социальной агрессии демонстрируют, что образ общего врага испокон веков служил основным фактором групповой консолидации.

В данной части статьи необходимо коснуться и так называемого палингенетического мифа — укоренённой глубоко в человеческой психике потребности качественно нового начала, коренного перерождения после длительного периода упадка [20, с. 311]. С этих позиций ключевыми моментами революций выступают протестные действия небольшой активной части населения, способной повести за собой на баррикады людские массы. Это активное меньшинство, с его смутной неудовлетворённостью и сильным желанием прорваться через покровы обыденности, играет решающую роль. Революция для них — единственное средство стать частью истории, вырваться из оков повседневных бытовых забот. На данный момент существует немало исследований идеологической общности, возникшей на основе иррационального консенсуса. Исследованы проблемы возможного спонтанного формирования сообщества веры в условиях общего смыслового кризиса путём проецирования народных чаяний на какое-либо движение, которое ставит текущему кризису всеобъемлющий диагноз и в качестве панацеи от всех бед предлагает совершение революции. В результате возникает «палингенетическое политическое сообщество», характеризующееся мощными коллективными иллюзиями сверхличностного единства цели. При объективном рассмотрении становится очевидно, что единство цели устраняет социальные и идеологические антагонизмы сообщества [4, с. 54]. Иррациональным это движение является отчасти из-за понимания, что даже в случае победы в революционном движении победителям невозможно создать уклад, который лучше разрушенного. Как говорил А. де Токвиль, «режим, который уничто-

жен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [23, с. 217]. Опора паленгенетического политического сообщества на довлеющие мировые идеологии носит обязательный характер. Революционеры за образцами постреволюционного устройства в обязательном порядке обращаются к странам, где революция произошла и через продолжительный промежуток времени стал виден положительный эффект. Этот продолжительный промежуток времени ранее всегда оказывался гораздо больше периода жизни революционеров.

Рассматривая антропологические предпосылки, стоит упомянуть эволюционно сложившиеся процессы мышления, которые в ряде случаев могут значительно повлиять на зарождение и ход революционного процесса. В последнее время в области когнитивной психологии сделаны открытия, позволяющие оценить процесс принятия решения в условиях неопределённости. Революционный процесс как раз и есть такой процесс, в котором обилие противоположной информации порождает ситуацию большой неопределённости в выборе дальнейших стратегий поведения и предпочтений отдельного индивида. Решение вопроса: остаться в стороне, не принимая никакого участия в революционных событиях, или примкнуть к одному из борющихся лагерей, — во многом зависит от качества и интенсивности пропаганды. Открытые эффекты «эвристики доступности» и «эвристики репрезентативности», «якорения» — мощные средства привлечения сторонников. Эвристика доступности — это интуитивный процесс, в котором человек «оценивает частоту или возможность события по лёгкости, с которой примеры или случаи приходят на ум», то есть легче вспоминаются. При подобной оценке человек полагается на ограниченное количество примеров или случаев. Это упрощает комплексную задачу оценки вероятности и прогнозирования значимости события до простых суждений, основанных на собственных воспоминаниях, поэтому такой процесс является необъективным. Для повышения вероятности принятия нужного решения объектом манипуляции в процессе революционной пропаганды необходимо сделать так, чтобы у него в памяти отложились нужные «примеры», которые выйдут на поверхность при нужных вопросах. Так на вопрос: «Коррупцировано ли свергаемое правительство?» — большинство объектов манипуляции ответят утвердительно, если за пару дней через СМИ познакомить их с вымышленными или реальными фактами коррупции. Репрезентативность — соответствие харак-

теристик выборки характеристикам популяции или генеральной совокупности в целом. Репрезентативность показывает, насколько возможно обобщать результаты исследования с привлечением определённой выборки на всю генеральную совокупность, из которой она была собрана. Также репрезентативность можно определить как свойство выборочной совокупности представлять параметры генеральной совокупности, значимые с точки зрения задач исследования. В революционной пропаганде дискредитированные в чём-либо представители правящих элит собираются в «выборки», и это представляется оппозицией как «генеральная совокупность». Объект манипуляции с большой долей вероятности начнёт оценивать весь правящий режим как обладающий качествами дискредитированной выборки. Изменение общественного мнения с помощью эффекта «якорения» заключается в том, что, задавая вопросы с указанием какой-либо «цифры-якоря» объектам манипуляции, невольно склоняешь их к ответу, который будет содержать цифру, близкую к «якорю». Например, на вопрос о количестве чернокожих среди членов ООН — более или менее 20 %, — объект манипуляции даст цифру, близкую к 20, которая содержится в вопросе. Сколько украл мэр города — более или менее 80 % от бюджета? Задавая подобные вопросы, обыденным сознанием не воспринимаемые как пропагандистские, возможно значительно повысить степень недоверия к правительству. Применяя эти три эффекта, оппозиция может значительно «конвертировать» общественное мнение и привести к радикальным протестам [8, с. 114]. Впечатления и чувства, которые являются главным источником убеждений и сознательных выборов, есть главные факторы революционной борьбы. Одержав победу над эмоциями объекта манипуляции, завладеешь его симпатиями. Следует также упомянуть, что с антропологической точки зрения данные эффекты помогли нашим далёким предкам избежать многих бед, но с переходом к новому укладу с всевластием информационных технологий ситуация кардинально изменилась не в пользу самого человека. Отсутствием знаний в области когнитивной психологии объясняется удивительная доверчивость индивидов с высоким образовательным уровнем. Так, в сети создателей МММ попало очень большое количество представителей научно-технической элиты государства.

Вполне разумно будет антропологические предпосылки разделить на два направления: первое, когда протестное поведение действительно вызвано подавлением базовых

инстинктов и рефлексов — собственнического, полового, импульса к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, извращением религиозных, моральных, эстетических и других приобретённых форм поведения (бихевиористская теория); и второе, когда предпосылки основаны на мнимом подавлении и когда под влиянием информационного воздействия объекты манипуляции начали воспринимать ситуацию как крайнюю несправедливость (теория относительной депривации).

### Культурные предпосылки

Важный вклад в общую картину возникновения революций внёс итальянский коммунист А. Грамши. К. Маркс выделял экономический аспект в появлении революционного потенциала: отставание производственных отношений от производительных сил. Поскольку владельцы средств производства оставляют львиную долю прибыли себе, а не вкладывают в социальную сферу, при возникновении значительного финансового отрыва капиталистов от пролетариата неминуемо произойдёт революция [13, с. 214]. Грамши, разрабатывая учение о культурной гегемонии, ввёл понятие «культурное ядро» [3, с. 145]. Культурной гегемонией, по Грамши, называется ситуация, при которой достигнут некоторый уровень согласия народа и власти (в том числе и относительно приемлемого разрыва между производительными силами и производственными отношениями), граждане активно желают того, что требуется правительству. По Грамши, «государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает своё господство, обживаясь при этом активного согласия руководимых» [3, с. 154].

Согласие служит цементирующей основой сильного государства, его добиваются посредством СМИ, образовательных и воспитательных институтов, и это особо следует подчеркнуть в эпоху информационных технологий, когда средства массовой информации не в полной мере принадлежат тому государству, в котором функционируют. Под лозунгами свободы слова ведётся подрывная работа по размыванию согласия между властью и народом, что неминуемо повысит вероятность возникновения массовых беспорядков. В предреволюционный период неподконтрольные правительству СМИ, словами В. Высоцкого, говорят: «Нет, ребята, всё не так. Всё не так, ребята». Используется весь набор пропаган-

дистских инструментов, в неблагоприятном свете трактуются внешняя и внутренняя политика. Демонстрируя недостижимые материальные блага, оппозиционеры убеждают людей в неспособности обеспечить желаемый уровень благосостояния по причине коррумпированности и слабости, искажают историю в целях демотивировать приверженцев правительства, которому якобы безразлична судьба народа. Одновременно с этим особо акцентируется внимание на лидерах оппозиции, не упускается возможности возвеличить их. Проводится атака на мнения и настроения людей. Большой вопрос, являются ли лидеры оппозиции ставленниками иностранных правительств, или помощь оказывается в расчёте на временную дезинтеграцию предреволюционного государства, что обеспечит конкурентные преимущества в борьбе за доминирование. Так, во время Русско-японской войны 1905 г. протестные движения в России вынудили царя признать себя побеждённой стороной, когда военная победа была практически обеспечена [21, с. 481].

При детальном рассмотрении культурной предпосылки уровень согласия власти и граждан играет весьма значимую роль. У граждан имеется потребность действовать в одном ключе с правительством, подконтрольные СМИ действуют в целях укрепления гегемонии власти, неподконтрольные и принадлежащие в какой-то степени иностранному заинтересованному центру прилагают усилия в деле разрушения гегемонии правителя. В ситуации, когда улучшения жизненного уровня не предвидится ввиду экономических трудностей государства, неподконтрольные СМИ продолжительное время могут формировать ситуацию растущих ожиданий, и при определённом разрыве ожиданий и возможностей (см. рис. 3) уменьшится уровень согласия между властью и народом и увеличится вероятность революции.

Учитывая моменты, рассмотренные в разделе об антропологических предпосылках, снизить уровень согласия народа и правителя может обладающий СМИ субъект политики, даже в изменяющейся в лучшую сторону обстановке.

### Структурные предпосылки

В совокупности подходов к исследованию революций стоит выделить тот, согласно которому главные предпосылки политических революций заключены в несоответствии социальных институтов потребностям эпохи. Т. Сочпол, работая в марксистской пара-



дигме, создала структуралистскую теорию возникновения революций. Она определяет государство как «совокупность административных, полицейских и военных организаций, возглавляемую и в большей или меньшей степени координируемую исполнительной властью», а революцию — как быстрые базовые изменения классовых структур, сопровождающиеся и отчасти стимулируемые восстаниями снизу [19, с. 87]. Автор отчётливо отделяет социальные революции от бунтов, мятежей, переворотов ввиду отсутствия в них быстрых структурно-социальных изменений, сопряжённых с насилием. Рассмотрены социальные отношения в зависимости от экономических отношений, изменение классовых структур и трансформации с наступлением эпохи капитализма и образованием международных институтов под влиянием научно-технического прогресса. Отмечены коренные изменения в обществе при смене общественно-экономической формации.

Революция рассматривается в точках пересечения международных процессов с классово структурированными экономиками и политически организованными интересами, корни революций — в классовой структуре общества и международно-историческом контексте. При ближайшем рассмотрении все великие революции имеют одну схожую черту: в ключевой момент наблюдается паралич административного и военного аппарата государства, сильные «низовые» движения и необычайная активность той части маргинальных элит, которые до того не претендовали в ближайшей перспективе на власть. Паралич обусловлен длительным и углубляющимся отрывом производственных сил от производственных отношений, при котором существующий строй шаг за шагом теряет легитимность, смещается лояльность как элит, так и простого народа. Потеря легитимности происходит из-за серьёзной имущественной, статусной и правовой дифференциации в обществе, когда владельцы средств производства практически всё более концентрируют в своих руках власть и деньги, не заботясь о социальной сфере рабочих и фискальной системе государства.

Ещё одним немаловажным фактором служит международное вмешательство: это могут быть не вполне удачные военные кампании, обострение обстановки со срывом планов давно назревших реформ, модернизации ключевых сфер государства. Известно достаточно случаев с запретом более могущественных государств правительствам, находящимся на острие революционного процесса, применять силу против протестующих под предлогом не-

демократичности и т. д., что вызывает полный паралич органов правопорядка и даёт новые стимулы протестующим [9, с. 14].

В аграрных государствах немаловажную роль играют социальные протесты на селе, которые часто провоцируются институциональным отчуждением крестьянства от касты землевладельцев, наряду с чисто потребительским характером отношений между ними [31, с. 411]. Скочпол, рассмотрев революции в аграрных странах, приходит к выводу о прямых предпосылках из-за двойной эксплуатации земледельцев государством, с одной стороны, и собственником земель — с другой. Причём в среде крестьян есть институты коллективной солидарности, особая сплочённость, свои неформальные лидеры. Со стороны землевладельцев нет прямого контроля над трудовой деятельностью и досугом крестьян, зато имеется централизованный бюрократический аппарат, неспособный запретами и директивами изменить существующее положение вещей [32, с. 191].

В последние десятилетия появился ещё один фактор революции — ускоряющийся процесс глобализации. Один из негативных факторов — установление единых поведенческих стереотипов, культурных ценностей и норм, деформация социальных институтов по подобию существующих у наиболее развитых стран — локомотивов глобализации [25, с. 37]. Исследователь процессов глобализации А.Н. Чумаков указывает, что охват развивающихся стран интеграционными процессами становится структурным фактором противодействия становлению единой цивилизации [26, с. 38]. Так, иранская революция 1970-х гг. стала ответной реакцией на слишком быстрые изменения социальных институтов по западному образцу, внедрение системы образования, образа жизни, капиталистических социальных институтов, демократических и либеральных принципов. Фактически влияние глобализации было отторгнуто значительной частью населения. Примерно с этого момента начат отсчёт истории исламского фундаментализма и борьбы против насильственного насаждения унифицированных правил по западному образцу. Наиболее активное участие в революционном движении приняли шиитские деятели, которые представляют подавляющее большинство и наиболее трепетно относятся к соблюдению обычаев предков. Уместно рассматривать эту революцию как процесс сопротивления западной и социалистической глобализации. Для данного явления даже существует специальное понятие — «обратная глобализация»:

течение снизу вверх, со стороны периферии в центр [2, с. 117]. Глобализация сверху, со стороны одного из центров силы рассматривалась большей частью населения Ирана исключительно как попытка установления полной гегемонии со стороны могущественных соседей, как новая форма неокOLONIALИЗМА, закабаления, попытка насильственно разрушить веками сложившиеся устои.

Структуралистский подход имеет ценный прогностический потенциал в динамично развивающихся обществах с интенсивным процессом изменения способов и форм хозяйствования, трансформацией структуры общества, преобразования социальных институтов в эпоху технического прогресса. Революции в быстроменяющемся обществе действительно возможны из-за отставания производственных отношений от производительных сил и в противоположном случае, как в Иране. К. Маркс определял отставание производственных отношений от производительных сил как объективный процесс, революции возникают по причине сильного отрыва этих переменных на шкале времени, ситуация принудительного насаждения особых производственных отношений без соответствующих производственных сил никогда не рассматривалась как невозможная на тот момент. Она стала возможна только с переходом на особую ступень глобализации и, как видим, имеет некоторые негативные последствия. Накануне революции Иран «заимствовал» у капиталистического мира модель построения общества, пытался переделать социальные институты на иной манер, без учёта того, что производственные отношения сложились на Западе эволюционным путём, отставая и подстраиваясь под объективное производственное и технологическое могущество. В случае опережения производственными отношениями производительных сил вносится дополнительная субъективная компонента, которая может играть негативную роль и вызывать отторжение у значительной части общества [7, с. 225].

В рамках структурного аспекта следует особо выделить закон техногуманитарного баланса, который описывает механизм обострения и временного преодоления антропогенных кризисов. Он отображает зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социальной системы. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенны средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества [17, с. 311].

Насажение извне культурных регуляторов западного мира без соответствующего уровня технологического развития (как это было в Иране перед революцией) «не нашло понимания» у ретроградно настроенной части населения.

### Элитарные предпосылки

При рассмотрении ряда недавних революций на постсоветском пространстве и в мире возникает вопрос: а где переломный момент, после которого прежний правитель уже не в состоянии действовать? Многие исследователи сходятся во мнении, что этим моментом служит отказ силового аппарата выполнять свои функции. Этот отказ во многом обусловлен отказом самих правителей, элит государства бороться за свои позиции, потерей чувства самосохранения. В ситуации активных революционных действий элитам необходимо сплотиться перед лицом надвигающейся опасности, но они оказываются не готовы к тому, чтобы поддержать власть, только при которой они и могут оставаться элитами. Они и сами либо открыто выражают недовольство, либо прямо агитируют против власти, а зачастую оказывают моральную и материальную поддержку революционерам. Как показывает практика, послереволюционный террор немилостиво обходится с ними. Так, накануне февраля 1917-го большинство командующих фронтами поддержали революцию, рекомендовали императору отречься от престола. Почему-то их надежды на отречение были связаны с активизацией боевых действий и скорейшей победой [21, с. 311]. Николай II сам не проявил большой воли к власти, отрёкся от престола, никто из царской династии не решился возглавить борьбу за трон. Советские коммунистические элиты в 1991 и 1992 гг. дали разрушить СССР без значительного сопротивления. Потеря воли к власти и чувства самосохранения представителями правящих элит — непреходящий источник поражений не только в России, но и во всём мире. Так, в 1789 г. в революционной Франции многие представители дворянства и духовенства добровольно перешли в разряд сословия ниже, чтобы составить революционное большинство, за что впоследствии заплатились всеми привилегиями. Потеря воли характерна для элит не только в революционные моменты. Можно вспомнить беспомощные военные элиты, сдающие Францию без сопротивления Гитлеру в 1939–1940-х гг. И это после блестящих побед в Первую мировую войну. Вопрос о причинах малодушия

и установки на слияние с народом в предреволюционные годы — предмет широких дискуссий, но возможно предположить следующее: изнеженность, гуманизация отношений в рамках самой элиты, иностранное гуманистическое влияние, мягкий режим накануне революционных событий, перепроизводство элиты при одновременных установках на приём в элитарный круг одарённых выходцев из нижележащих страт, длительная критика правительства и влияние идеологии на все слои общества, а не только на обездоленных. Ибн-Хальдун в XV в. писал: «Третье поколение правителей из-за склонности к роскоши приводит династию к падению» [6, с. 251].

\* \* \*

Обобщая перечисленные предпосылки, приходим к выводу, что вероятность социальной революции максимально высока, когда при очевидной слабости власти растущие ожидания и высокая доля молодёжи в демографической структуре дополняются недостаточным или недостаточно умелым PR-сопровождением политики властей в противовес провокационной работе внутренней и внешней оппозиции.

### Список литературы

1. Гэрт Т. Почему люди бунтуют. — СПб.: Питер, 2005. — 461 с. [Garr T. Pochemu lyudi buntuyut. Saint Petersburg: Piter; 2005. 461 p. (In Russ.)]
2. Гидденс Э. Социология. — М.: УРСС, 1999. — 794 с. [Giddens E. Sociologiya. Moscow: URSS; 1999. 794 p. (In Russ.)]
3. Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1991. — 560 с. [Gramshi A. Tyuremnye tetradi. Part 1. Moscow: Politizdat; 1991. 560 p. (In Russ.)]
4. Гриффин Р. Палингенетическое политическое общество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. — 2006. — № 12. — С. 51–63. [Griffin R. Palingeneticheeskoe politicheskoe soobshchestvo: pereosmyslenie legitimsatii totalitarnykh rezhimov v mezvhoennoy Evrope. *Voprosy filosofii*. 2006;(12):51-63. (In Russ.)]
5. Дейвис Д. К теории революции // Американское социологическое обозрение. — 1967. — Вып. 27. — № 1. — С. 5–12. [Dejvis D. K teorii revolyucii // *Amerikanskoe sociologicheskoe obozrenie*. 1967;27(1):5-12. (In Russ.)]
6. Ибн-Хальдун. Прологомены к «Книге поучительных примеров...». — М.: Мысль, 1980. — 386 с. [Ibn-Khal'dun. Prolegomeny k "Knige pouchitel'nykh primerov...". Moscow: Mysl'; 1980. 386 p. (In Russ.)]
7. Ильин В.Н. Алгоритмический маятник истории. — М.: Менанд, 2013. — 320 с. [Il'in VN. Algoritmicheskiy mayatnik istorii. Moscow: Menand; 2013. 320 p. (In Russ.)]
8. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. — М.: АСТ, 2014. — 336 с. [Kaneman D. Dumay medlenno... reshay bystro. Moscow: AST; 2014. 336 p. (In Russ.)]
9. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. — 2011. — Т. 4. — № 2. — С. 5–29. [Korotaev AV, Zin'kina YuV. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskiy analiz. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2011;4(2):5-29. (In Russ.)]
10. Лоренц К. Агрессия. Так называемое зло. — М.: Прогресс, 1994. — 230 с. [Lorents K. Agressiya. Tak nazyvaemoe zlo. Moscow: Progress; 1994. 230 p. (In Russ.)]
11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Предисловие // Собр. соч. — 2-е изд. — Т. 13. — М.: Госполитиздат, 1959. — С. 216–228. [Marks K, Engel's F. K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie In: *Sobr. soch.* 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 13. Moscow: Gospolitizdat; 1959. P. 216-228. (In Russ.)]
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. — М.: Госполитиздат, 1951. — 40 с. [Marks K. Manifest kommunisticheskoy partii. — Moscow: Gospolitizdat, 1951. 40 p. (In Russ.)]
13. Маркс К., Энгельс Ф. Накопление капитала и обнищание пролетариата // Собр. соч. — 2-е изд. — Т. 40. — М.: Госполитиздат, 1956. — С. 214–221. [Marks K, Engel's F. Nakoplenie kapitala i obnishhanie proletariata In: *Sobr. soch.* 2<sup>nd</sup> ed. Vol. 40. Moscow: Gospolitizdat; 1956. P. 214-221. (In Russ.)]
14. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966. — С. 229–313. [Merton R. Sotsial'naya struktura i anomiya. In: *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)*. Moscow: Progress; 1966. P. 229-313. (In Russ.)]
15. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. — 1994. — № 12. — С. 97–117. [Moska G. Pravyashhij klass. *Sociologicheskie issledovaniya*. 1994;(12):97-117. (In Russ.)]
16. Назаретян А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? // Историческая психология и социология истории. — 2009. — Т. 2. — № 2. — С. 150–170. [Nazaretyan AP. Virtualizatsiya sotsial'nogo nasiliya: znamenie epokhi? *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2009;2(2):150-170. (In Russ.)]
17. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология в глобальном прогнозировании. — М.: Аргамак-Медиа, 2017. — 512 с. [Nazaretyan AP. Nelineynoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul'turnaya antropologiya v global'nom prognozirovanii. Moscow: Argamak-Media; 2017. 512 p. (In Russ.)]
18. Савчук В.В. Насилие и цивилизация комфорта // Антропология насилия. — СПб.: Наука, 2001. — С. 476–496. [Savchuk VV. Nasilie i tsivilizatsiya

- komforta. *Antropologiya nasiliya*. Saint Petersburg: Nauka; 2001. P. 476-496. (In Russ.)
19. Скочпол Т. О революции. – М.: Прогресс, 2008. – 187 с. [Skochpol T. O revolyutsii. Moscow: Progress; 2008. 187 p. (In Russ.)]
  20. Соловей В.Д. Основы революционной борьбы в современную эпоху. – М.: Эксмо, 2016. – 316 с. [Solovey VD. Osnovy revolyutsionnoy bor'by v sovremennuyu epokhu. Moscow: Eksmo; 2016. 316 p. (In Russ.)]
  21. Стариков Н.В. Кто убил Российскую империю? – М.: Эксмо, 2006. – 512 с. [Starikov NV. Kto ubil Rossiyskuuyu imperiyu? Moscow: Eksmo; 2006. 512 p. (In Russ.)]
  22. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. – М.: Территория будущего, 2009. – 324 с. [Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. Moscow: Territoriya budushhego; 2009. 324 p. (In Russ.)]
  23. Токвилль А. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2008. – 247 с. [Tokvill' A. Staryy poriyadok i revolyutsiya. Saint Petersburg: Aleteyya; 2008. 247 p. (In Russ.)]
  24. Хантингтон С. Социальный порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-традиция, 2004. – 480 с. [Xantington S. Sotsial'nyu poriyadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. Moscow: Progress-traditsiya; 2004. 480 p. (In Russ.)]
  25. Чумаков А.Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 32–39. [Chumakov AN. Globalizatsiya i kosmopolitizm v kontekste sovremennosti. *Voprosy filosofii*. 2009;(1):32-39. (In Russ.)]
  26. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные разломы современного мира // Век глобализации. – 2015. – № 2. – С. 35–47. [Chumakov AN. Kul'turno-tsivilizatsionnye razlomy sovremennogo mira. *Vek globalizatsii*. 2015;(2):35-47. (In Russ.)]
  27. Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». – 2004. – № 2. – С. 98–112. [Shul'ts EE. Prichiny vznikhoveniya radikal'nykh form sotsial'nogo protesta (istoriograficheskiy obzor). *Vestnik MGU. Seriya "Politologiya"*. 2004;(2):98-112. (In Russ.)]
  28. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с. [Eyzenshtadt Sh. Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy. Moscow: Aspekt-Press; 1999. 416 p. (In Russ.)]
  29. Giddens A. *Runaway world: How globalization is reshaping our lives*. London: Profile Books; 1999. 364 p.
  30. Goldstone JA. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: Univ. of California Press; 2003. 270 p.
  31. Moore B Jr. *Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world*. Boston: Beacon Press; 1967. 559 p.
  32. Skochpol T. *State and revolution: Old regimes and revolutionary crises in France, Russia, and China. Theory and Society*. 1979;7(1):189-204.
  33. Tilly C. *From mobilization to revolution*. Addison Wesley; 1978. 423 p.

#### ■ Информация об авторе

Виктор Александрович Савченко — очный аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна», офицер Вооружённых сил Российской Федерации. E-mail: moisey.1982@mail.ru.

#### ■ Information about the author

Viktor A. Savchenko — postgraduate student at the Department of Sociology and Humanities, Dubna State University, officer of the Armed Forces of the Russian Federation. E-mail: moisey.1982@mail.ru.